

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»
Колледж профессионального образования

Письмо

Студент: Игнатъева Александра Алексеевна

Руководитель: Власова Ирина Владимировна

Пермь 2020

«ПИСЬМО»

Вернулись.

Этой секунды, когда на молочно-малиновом горизонте покажутся темные, издали будто бы вымазанные в саже, фигуры, гордо поднявшие над головами штыки боевых автоматов, ждали все с нетерпением, надеждой и тихой верой в чудо.

Нет.... Вернулся один. Показался из-за высокой травы, еле перебирая ногами, не разбирая перед собой ни временного полевого лагеря, ни беспокойно рвущуюся к нему сестрицу: выдохнул и упал плашмя прямо в руки хрупкой девчонки, которая без единого писка подхватила оловянное солдатское тело на руки, когда он выпалил на последнем издыхании одно единственное слово - «идут».

Собравшихся насчитывалось немного, всего около десятка, может быть, чуть больше, но именно в это мгновение, когда измученное и обожженное тело крепкого парня на руках сестрицы издало последний хрип и выплюнуло вместе с ним всякие остатки жизни, тишина и напряжение повисло такое, будто бы здесь стояло не меньше сотни наблюдателей. Первым снял свою фуражку лейтенант Золотов, командующий взводом или тем, то от него осталось, и с чувством тяжелой скорби склонил голову, поджимая обветренные потрескавшиеся губы, и уже его примеру незамедлительно последовали все остальные, кроме девушки, продолжающей бережно держать солдата.

- Стой, Митя, куда ж ты торопишься? Перевяжем, подлатаем, и будешь, как новенький, – ее мягкий голос неожиданно прорезался в нависшей тишине, но сначала будто бы никто не придавал этому никакого значения. Мужчины, погруженные в свои мысли, будто бы не замечали ее в этот момент совсем, ее глаз, тревожно осматривающих бледное лицо, укрытое тоненькой засохшей пленкой крови, осевшей и очертившей еще больше скулы на впалых щеках. Она подхватила его увереннее, успевшая привыкнуть к тяжелому труду за целый, казалось бесконечный, год войны, и продолжала говорить мягко и тихо: «Куда ты? Потерпи немного, милый», - и гладила юношу осторожно по щеке.

- Рита, - осек ее голос лейтенанта, заставив как-то испуганно поднять оливково-зеленые, все еще сверкающие детской наивностью глаза. Он повторил ее имя еще раз, но уже мягче, будто бы по-отечески:

- Рита. Он умер, - последняя его фраза заставила присутствующих внезапно оживиться, вздрогнуть и отойти от собственных мыслей. Шел первый год будто бы бесконечной войны, но сердце... Живое сердце солдат, в сущности, совсем молодых мальчишек, неожиданно защемило от столь очевидной фразы. Он... умер.

- Андрей Викторович, - выпалила она в ответ, не совсем обдумав собственный поступок, решая возразить по первому же зову сердца.

- Чего же вы, товарищ лейтенант... наговариваете? – Рита сразу стихла, будто бы съежилась вся под суровым тяжелым взглядом взрослого мужчины, а потом опустила взгляд то ли виновато себе под ноги, то ли на лицо солдата. Лицо его было спокойно, губы слегка приоткрыты на выдохе, будто бы он умиротворенно спал после тяжелой работы, и совсем не был бы похож на мертвого, если бы кровь не застелила все его лицо, а одежда, пропитанная ей насквозь, не липла бы к рукам медсестры. Они никогда не выглядели мертвыми – она старалась уверять себя, что они спят, потому что так было легче отпустить их, таких молодых мальчишек, которые еще прошлым вечером смеялись и умоляли ее спеть им, как в последний раз.

Сначала она и хоронила их с песней: умывала безмятежные лица холодной водой и, чтобы не разреветься тут же, что-то напевала себе под нос с одной единственной мыслью: «Только бы не плакать». Нельзя было плакать. «Ну и что, что девчонка? Война она всех забирает, никого не жалеет, а слезами тут не поможешь». А теперь... теперь Рита почти не плакала, только смотрела долго на вскопанный участок холодной земли и много думала.

Иногда она видела, как ее солдатики пишут сопроводительные письма, которые отправляли вместе с похоронкой на имя товарища. Эти письма все начинались примерно одинаково: «Он был верный товарищ, который добросовестно служил нашей матери Родине и боролся за свободу, отдавая все свои силы и здоровье во благо Отечества». Ее мама эти письма получала трижды: сначала ушел отец, за ним брат, а в феврале не стало Петьки – еще одного брата. А если бы она сама?... А кто бы стал про нее маме писать? Что бы написали о ней?

- Товарищ лейтенант! Товарищ Миронова. Разрешите обратиться.

Вечерело. На горизонте было тихо, и тяжелые свинцовые облака проплывали над головами, как большие подводные лодки над дном. Лейтенант стоял к ней спиной и молча наблюдал за тем, как плыли облака, а потом обернулся, еще заставляя девушку, комично вставшую в солдатскую стойку со слегка приподнятым подбородком, будто бы она хотела казаться выше, чем есть. Золотов совсем скованно улыбнулся: так неумело и слабо, будто бы он давно разучился это делать. Взволнованный голос Мироновой и то, как она старательно отчеканивала зазубренную фразу, смутно напомнило мужчине о собственной дочери, о которой он предпочитал не вспоминать. Слишком больно было будоражить воспоминания по пустякам, слишком не хватало ее смеха и торопливых рассказов о том, как прошел день в школе. Слишком давно его не было дома...

- Разрешаю, – тогда, после короткого ответа, Андрей Викторович полностью развернулся к ней лицом, все еще держа руки за спиной, и девушка, засуетившись, начала доставать что-то из нагрудного кармана.

- Вот, возьмите, пожалуйста! Это письмо маме моей, если со мной что-нибудь случится, - говорила она без запинки и вполне уверенно, хотя и снова засуетилась, еще раз проверив содержание и в несколько раз сложив написанное письмо. В следующую секунду сложенную бумагу обернули какой-то атласной голубой ленточкой, и память мужчины быстро выдернула из воспоминаний то, как старательно когда-то давно эту самую голубую ленточку Миронова прятала под рукавом, обвязав вокруг запястья.

Андрей Викторович смутился, окидывая взглядом, в котором четко читалось непонимание, протянутое письмо, а потом, наконец, опустил глаза к глазам девушки.

- Я... одна у мамы осталась, товарищ лейтенант. Хочу, чтобы последнее письмо было моей рукой написано. Вы только не забудьте, я Вас очень прошу! – тут же сорвалось с губ Мироновой, когда она глазами, зелеными и широко распахнутыми, смотрела за неопределенным взглядом мужчины, который ходил от письма снова к ее лицу. Спустя пару мгновений молчания командир принял из рук девушки письмо, все еще не говоря ни слова.

- Обещаете?

В голове застыл один единственный вопрос о том от чего она, такая молодая, цветущая жизнью, теперь без страха передавала ему это письмо. То самое, в котором последний раз попрощалась с семьей. Тогда он подумал о том, что не каждый взрослый мужик своими руками такое напишет, а она – хрупкая и маленькая, совсем кукольная – написала, что даже на лице ее не выступило ни одной хрустальной капельки слез.

- Обещаю, - как-то глупо ответил он и, в конце концов, кивнул, а потом запрятал письмо во внутренний карман гимнастерки. На душе вдруг стало необъяснимо тяжело, будто бы грудь всю залили свинцом изнутри, будто бы с этой ношей теперь нужно было ходить и тянуть ее за собой, не переставая. Он не двинулся с места, развернулся и продолжил смотреть вдаль. Утром.... Утром они должны были принять бой. Наверное, об этом догадывалась и Рита, и связист Лешка Наумов, и Гриша Скороходов, Макар Разин, и весь отряд. И солнце нестерпимо медленно опускалось за горизонт тем вечером, и птицы затихли раньше, погружая перелесок, где располагался лагерь, в тишину, и ветер стих как-то по-особенному.

Эти умиротворенные сумерки, как затишье перед бурей, плавно перетекли в ночь, потом в утро, сменив темный небосвод все тем же молочно-малиновым рассветом. Из-за этого рассвета даже сердце, превратившееся в открытый клубок нервов, отчего-то захотело жить. Когда чувствуешь, что умираешь, почему-то всегда хочется жить.

«Лишь бы умирать не напрасно» - подумала, наверное, Рита в то самое утро, когда, обуваясь, запихивала к носку тяжелых кирзовых сапог тряпки, чтобы не так было заметно, что обувь предназначена на ногу, в два раза больше, чем ее собственная.

«За свободу, за Родину, за погибших братьев, отца, а еще за мамину улыбку и за мирное небо, которое отобрали в том июне» - не молитвой, но чем-то похожим срывалось с губ девушки и тогда, когда над головой начали свистеть выстрелы нескончаемыми очередями, когда люди смешались в вязкой грязи, когда эти самые сапоги на два размера больше предательски сползли с ног, оставаясь в бездонных лужах. Снова в ушах звенели выстрелы, хрипели голоса раненных над ухом, пока в этой суматохе она успевала подхватывать одного – замученного, будто в бреду, но

снова рвущегося на врага, не давала ему снова вылезти на огонь и все причитала себе под нос, что не напрасно, вытаскивая с поля боя следующего.

Все воспоминания перед глазами расплываются, закрываются темной пеленой, и что-то неожиданно стреляет в висок, заставляя закрыть глаза, а потом.... Потом уже никакой войны перед глазами нет, никакой сырой земли, пропитанной кровью и дождем, а только желтоватый свет настольной лампы, которая тускло выводит очертания мебели в полумраке комнаты.

Золотов молчит какое-то время, а на него снова смотрит пара заинтересованных глаз, точно с жадностью ожидая какого-то продолжения.

- А потом? – ожидаемо доносится звонкий девичий голос, и мужчина будто бы чувствует, как за соседним стулом кто-то ерзает с нетерпением. Два больших кукольных глаза Лены – уже совсем взрослой внучки – смотрели на него с нескрываемым, слишком детским для девушки интересом.

- Мы нашли Риту вместе с Лешей Наумовым. Он жив, а она... закрыла его собой. Пуля попала ей в спину, когда она пыталась оттащить его в сторону. И сапоги эти кирзовые валялись где-то в стороне. Видимо, все-таки слезли.

Низкий спокойный голос Андрея Викторовича будто бы опустился еще ниже, когда он постепенно стихал и, поджимая губы, о чем-то глубоко задумался.

- Без наших женщин, - начал он вновь с каким-то тяжелым отголоском в сердце, сведя косматые брови к переносице, а потом совсем слегка улыбнулся с какой-то непривычной нежностью, - Никакой победы бы не было. Мы вместе эту победу выгрызли. Всем Отчеством. Вот об этом помнить нужно.

«Дорогая моя мамочка!

Если ты получила это письмо, то знай, что теперь и я отдала свою жизнь за нашу Родину, и знай, что я была самым счастливым человеком в тот момент, ведь ты подарила мне эту жизнь на нашей Родине, и теперь я наконец-то смогла отдать этот долг. Меньше думай обо мне и долго не плачь, ведь для меня не было никого дороже тебя, отца и

Петю с Гришей.

Я люблю тебя до последнего вздоха. Твоя дочь Рита»